

18+

ПАВЕЛ ШУШКАНОВ

ЛИНИЯ ОБЕСТОЧЕНА

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ

Павел Шушканов

Линия обесточена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67871820

ISBN 9785005675101

Аннотация

Часть рассказов ранее публиковалась в сборнике «Дом на вершине». Стараниями мальчишек, никогда не видевших Землю, обросший жуткими легендами Титан; маленькая колония на далеком планетоиде, обитатели которой хранят страшную тайну; теплые моря древней Венеры, ожидающей катастрофы, которая изменит все; капитан, ведущий свой корабль по чужому морю в несуществующую Калькутту; старик, забытый в обезлюдевшем мире на краю Вселенной, ждущий письма от брата; большие, маленькие, пугающие и захватывающие миры и надежда на то, что все это мы увидим своими глазами.

Содержание

От автора	5
Желтое небо	7
Колония	27
Бархатный сезон	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Линия обесточена

Павел Шушканов

© Павел Шушканов, 2022

ISBN 978-5-0056-7510-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Случилось так, что тема космоса долгое время была не популярна и незаслуженно забыта. Казалось, что фантастика ближнего прицела, темы антиутопий и постапокалипсиса надолго вытеснили этот поджанр из отечественной и зарубежной фантастики. Но в мире нет ничего постоянного, а любопытство и стремление к звездам – очень прочная часть природы человека.

Время романтики незаметно сменилось временем прагматизма, как в свое время Великие географические открытия уступили эпохе колониальных империй. И взгляды в космос, как близкий, так и дальний, уже далеки от мечтаний о цветущих яблоневых садах среди песков Марса. Но однажды научившись летать, человек уже вряд забудет радость от этого процесса.

В этот сборник я собрал рассказы одной тематики – космической. Я не пытаюсь удивить читателя видами и красотами Космоса – на все это в гораздо больших масштабах можно любоваться и во Всемирной Сети. Но мне всегда были любопытны ситуации, которые могут произойти в, казалось бы, близком и доступном Космосе, те страшные вещи, которые таит пространство, о которых мы и подумать не можем на Земле. Ведь одно дело, когда мы говорим о том, что другой мир может стать нашим домом и совсем другое, когда он – дей-

ствительно наш дом, а Земля – чужой, далекий и непонятный мир. И как далеки могут быть телевизионные шаблоны иноземной жизни от тех реальных гостей из иных миров, которые могут ждать нас за пределами планеты.

Итак, что нас ждет в этом сборнике? Стараниями мальчишек, никогда не видевших Землю, обросший жуткими легендами Титан; маленькая колония на далеком планетоиде, обитатели которой хранят страшную тайну; теплые моря древней Венеры, ожидающей катастрофы, которая изменит все; капитан, ведущий свой корабль по чужому морю в несуществующую Калькутту; старик, забытый в обезлюдевшем мире на краю Вселенной, ждущий письма от брата; большие, маленькие, пугающие и захватывающие миры и надежда на то, что все это мы увидим своими глазами.

Желтое небо

У нас на Титане скафандр не нужен. Папа рассказывал, что когда-то люди представляли себе, как они будут ходить по его холмам в блестящих костюмах со стеклянными колпаками, но тогда все люди еще жили на Земле и плохо представляли как там все выше облаков. Такими я их и рисовал с своей тетрадке – неуклюжими, удивленно озирающимися по сторонам, с круглыми прозрачными шлемами на голове, а позади, конечно, ракета с единственным иллюминатором. Глупые. Хватило бы теплой одежды и перчаток. Перчатки – главное, без них пальцы быстро отмерзнут. Свои перчатки я потерял на прошлой неделе, за что сильно влетело от мамы.

Три дня подряд шли дожди. Они хлестали по железной крыше, стучались в мое единственное окно, а я лежал на кровати и смотрел в круглый потолок, под которым раскачивался макет настоящей старой ракеты – папа подарил. Кое-как протащил в челнок со Станции. Там с перегрузом все непросто, а мама просила какую-то ерунду привести для кухни, с которой грибы и капуста обещали быть вкуснее, но вкуснее они, разумеется, не стали.

Сегодня я тоже лежал и прислушивался к тишине. Папа как обычно на вахте на Станции, которая там высоко за облаками. Говорят, оттуда звезды видно всегда и их очень много, но что такое звезды я представлял плохо, только картин-

ки видел в книжке. Точки и точки – ничего особенного. Мама на энергоузле. Следит, чтобы не было перебоев с электричеством у нас дома и еще в шести таких же домах-куполах на побережье и на фабрике. Скучно, наверное, так вот с раннего утра и до вечера сидеть и смотреть как ничего не происходит, но и я примерно тем же самым занимаюсь. Когда забегает Лешка – веселее. Мы сидим на диване, упираясь ногами в стену и болтаем о Станции, о последнем фильме, который передали оттуда радиосигналом или откопанных в отцовском ноутбуке книжках или журналах. Мечтаем отправиться в экспедицию по берегу озера и найти руины какого-нибудь древнего спутника или корабля вроде того, который болтается у меня под потолком. Составляем список необходимых вещей, которые возьмем с собой и рисуем карту маршрута. Марка мы с собой брать не собирается. Он старше на полгода, а делает вид что на все пять и говорит, что ничего у нас не выйдет. И вообще смотреть там не на что – озеро и песок, барханы и редкие скалы. Может он и прав, но посмотреть стоит. Все лучше, чем сидеть и пялиться в круглое окно на гладкое озеро без волн, кидать камушки в которое уже порядком надоело.

Тихий звонок. Это мама настроила, чтобы меня утром никто не разбудил. Сейчас месяц каникул, и учебный терминал не пищит в семь утра приглашая начать урок. Звонили в дверь и очень настойчиво. Я едва успел подняться с кровати, как тень скользнула по стеклу и половину окна закрыл

огромный меховой капюшон, под которым, прикрытое кислородной маской, улыбалось Лешкино лицо. Он проложил руки в толстых перчатках к стеклу и долго всматривался в комнату, потом заметил меня, обрадовался и замахал руками.

– Иду, – хмуро сказал я, натягивая теплый комбинезон. Конечно, он меня не слышал, но исчез из окна, направившись, видимо, к кессону.

Дом у нас большой, больше, чем у Лешки. Есть кухня, на которой живут мама с папой, а по вечерам, наконец собравшись все вместе, мы сидим перед экраном и смотрим передачи со Станции. Есть кладовка, она же шкаф и моя комната, в которой раньше стоял насос. Но папа вынес его наружу, и сразу стало свободнее. У Лешки только перегородка, за которой он живет и куда едва вмещается диван. Поэтому Лешка так любит приходить ко мне. А Марка мы не пускаем.

Я еще больше нахмурился, вспомнив Марка. Марк противный, вечно хвастает тем, что родился на Станции, а не дома на Титане, как мы с Лешкой. И пусть. Нам с Лешкой все равно. И близняшкам все равно – они тоже родились на Станции.

Домофон снова пискнул.

– Ну, чего так долго? – хрипло буркнул Лешка.

Я натянул куртку, прикрыл маской лицо и почувствовал, как прохладный поток воздуха защекотал ноздри. Перчатки взял мамины запасные. Отцовские постоянно спадают с рук.

– Жду-жду, – начал Лешка, едва я появился из кессона.

Его голос глухо раздавался из-под маски.

– Перчатки искал, – оправдался я.

Лешка усмехнулся, видимо вспомнив историю с моими варежками.

– Ну ты, Зим, даешь! Идем к Марку?

Зим – это меня Лешка так называет. Вообще-то я Айзек. Ну, в честь того, который написал книги. Из этих книг потом еще много имен взяли чтобы назвать тут проливы. Сам я не читал, но учебному терминалу верю. Вот от его фамилии Лешка мне прозвище и придумал. А может потому, что я зимой родился. Марка он называл умником, а сам был просто Лешкой.

– А чего к Марку?

– У него что-то интересное есть.

Я пожал плечами.

К Марку так к Марку. Будет умничать – всегда можно уйти. Все равно сидеть дома до ужаса надоело. Наконец закончились дожди и верхние ветра унесли грозы далеко к морю Кракена. Над озером повес привычный желтый туман, сливающийся с таким же желтым небом. Папа рассказывал, что там над облаками очень красиво. Огромная планета с кольцами, а еще станция, похожая на проткнутый спицами бублик, на которой целых сто сорок человек живет. Ничего, когда-нибудь...

Дом Марка за холмом. До него прыжков двести. У них дом

не купол, как обычно бывает, а конус с антенной наверху. Отец Марка связист и работает прямо дома. Странный дом и холм странный – пологий с одной стороны и совершенно отвесный с другой. Мы часто прыгали с него с самодельными крыльями из пластика – пытались летать. Там не высоко – метров тридцать всего, а удержаться в воздухе удавалось всего на пару секунд – слишком крылья маленькие, а взять пластик для новых негде.

Марк стоял на холме скрестив руки на груди и ждал нас с Лешкой. Любой из нас раскинув руки пригнул бы вниз, завершив медленное падение скольжением по бурому песку, но Марк повернулся и с загадочным видом скрылся за гребнем холма.

Под холмом были припрятаны наши крылья, закопанные в песок и придавленные камнем. Раздобытый с таким трудом пластик никто не должен видеть из взрослых, иначе быстро применят для своих нужд. Я давно предлагал соединить все три конструкции вместе и сделать одно нормальное крыло, и полетать как следует, пока нас не застукали за этим делом.

– Давно вас жду, – недовольно сказал Марк. Он был выше меня на голову, а куртку носил оранжевую. Сегодня за его плечами красовался увесистый рюкзак отца.

– Зим долго одевался, – оправдался зачем-то Лешка. Знал, что мне Марк слова не скажет. Я полгода назад продал ему ту настоящую открытку с Земли с нарисованным деревом, с которой он ходил на день рождения к близняш-

кам. Продал за настоящую страницу журнала, который его отец привез со Станции. Все интереснее чем дерево на фоне странного синего неба. С тех пор Марк недолюбливал меня, но не презирал как раньше.

– Пойдем втроем, – коротко сообщил он, – родителям ни слова. Если кто проболтается...

Но грозить было нечем. Тут даже не подраться, как в том старом фильме, который однажды передавали со Станции на экран – немедленно разлетаешься во все стороны, сквозь три слоя одежды что бей, что не бей – все одно, а по маске бить совсем неправильно и опасно. Так что Марк просто многозначительно посмотрел на нас и коротко кивнул.

– Это он о чем? – тихо спросил я.

Лешку распирало от желания рассказать – видел по лицу, но он сдержался.

– Марк расскажет.

– Дождешься от него.

Марк опустил рюкзак на песок и принялся перебирать вещи: запасные перчатки, вода, контейнер с грибами и два запасных баллона с кислородом.

– Я покажу.

***

На озере почти не бывает волн. Ветра дуют там высоко, среди облаков. Иногда на горизонте сверкают грозы, стучат по глади озера крупные капли дождя, но волн я не видал ни разу. Озеро красивое. Когда туман не такой густой, видно на-

сколько оно большое, тянется к самому горизонту. Оно светло-желтое. Это небо в нем отражается. В учебных фильмах про Землю говорили, что моря Земли тоже не синие на самом деле, а в них просто отражается небо. А еще, что в них можно купаться. Меня всегда передергивало от этих картинок – залезть раздетым в глубь озера... Это же ужас. Хотя, говорят, что на Земле моря из воды и там тепло, но все равно я бы не рискнул.

Мы смотрели с холма на гладь озера. Над ним висел привычный туман. Слева чернела гряда скал, за которой простиралась изрезанная глубокими трещинами пустыня. Где-то там текли реки, впадающие в озеро далеко на западе. Я никогда не видел реку, но поговаривали, что они опасны и разливаются во время дождей.

– Там, – Марк махнул рукой в сторону скал.

– Мы что, пойдем туда? – неуверенно спросил я Лешку.

– Так надо.

– Да туда прыгать часа два!

Марк резко повернулся и ткнул меня пальцем в грудь.

– Тебя не заставляет никто. Можешь домой топать.

Это он не серьезно, всегда так говорит. Лешка развернул меня к себе, едва не опрокинув и затараторил.

– Зим, у тебя же мама в позднюю смену, отец вообще на вахте. Никто и не узнает, что мы за периметр вышли. Своим я сказал, что у тебя буду. Идем, никто ничего не узнает. Оно того стоит, поверь!

Я оглянулся на дом. Его темные окна уныло смотрели на меня. И тетрадь почти закончилась – не порисовать вволю.

– Папа сегодня вернется, – неуверенно сказал я. Его челнок плыл где-то там среди звезд от Станции домой, возможно с подарками или новыми историями.

– Ну не сейчас же! Кстати, Марк тут рассказывал кое-что. На станции новый экипаж с Земли. Трое. Китайцы. Это кажется тебе, кто говорит на китайском языке, но я не уверен. Говорят, что переберутся к нам на Титан через полгода.

Вот это новость! Еще одни соседи.

– Идем, Марк расскажет по дороге.

И я пошел.

Новые люди с Земли прибывали совсем нечасто, как и нечасто отправлялись обратно. Раз в три-четыре года. Те, кто женился прямо здесь, оставались на Станции, а совсем отчаянные селились на Титане. Возвращались лишь те из них, кто совсем уж очень сильно скучал по Земле или так и не смог привыкнуть к желтому небу. А нам то что – мы эту Землю только на картинках видели да в паре фильмов, что с собой новенькие привезли. Не знаю, смог бы я улететь так далеко от дома, на Землю... Разве что поглазеть и обратно.

Марк рассказывал нехотя. Говорил, что двое женаты, а значит точно останутся. Про сувениры умолчал. Наверняка знал, но хранил секрет до лучших времен.

Мы шли долго, большими прыжками сокращая путь

до высоких скал. Тут главное в трещину не попасть – у скал их множество и некоторые очень глубокие, а на дне поблескивает жидкий этан. Марк легко рассчитывал каждый прыжок и опускался каждый раз на краю трещины, а мы с Лешкой долго выбирали место для приземления и потому сильно отставали.

– Граница, – скомандовал Марк и бросил мешок на землю.

Ненавижу эту традицию, но никуда не деться. Так надо. Я откинул капюшон, глубоко вздохнул и снял маску. Остальные сделали то же самое. Мороз мгновенно пронзил кожу тысячей иголок.

«...Три, четыре, пять...».

Надо до десяти. Именно столько дней пилот Тороп – дедушка Лешки продержался в разбитом челноке посреди пустыни Каладан, пока не пришла помощь. Иначе удачи не будет.

Десять! Я натянул маску на покалывающее лицо. Увидели бы взрослые, заперли бы по домам на неделю.

– Идем! – поторопил Марк и снова прыгнул.

Я раньше никогда не отправлялся так далеко, к самым скалам. Мне казалось, что я немедленно потеряюсь, и меня никогда не найдут. Титан большой, а городов вроде нашего мало. Есть еще один на море с дестью домами, поселок далеко на юге и большой жилой дирижабль выше облаков, который ни в какую погоду не видно – вот и все. Я изредка поглядывал в сторону дома, который все сильнее срывался

за грядой низких сопок.

Но страх и сомнения пропали, едва мы поднялись на скалу. Я не сразу понял куда показывает Марк, потом присмотрелся. Там, где озеро касалось скал темнело русло непостоянной реки, одной из тех, которые журчали бурными потоками во время дождей и совершенно пересыхали к сезону засухи. Широкими ярусами спускались к озеру размытые террасы, а в десятке прыжков от глади озера поблескивал котлован с подсыхающей лужей. Нечто странное торчало из котлована, наполовину зарытое в песок – конус, соединенный короткой трубкой с чем-то массивным, погруженным в дюну. Я никогда не видел ничего подобного.

– Видали! – Марк гордо взмахнул рукой, словно эта штука далеко внизу принадлежала ему.

– Что это? – спросил я.

– Это старый космический корабль.

***

Интересно, если опустить перчатку в жидкий этан, что будет? Папа говорил, что будет очень больно, но сам, скорее всего, никогда не пробовал. Впрочем, я ему верю. Особенно сейчас, когда мы аккуратными прыжками спускаемся в глубь котлована, а под нами блестит черной лужей холодный жидкий газ. Марк спускается первым. Мы то теряем его в желтой туманной дымке, то снова видим темный силуэт. Контур огромного корабля медленно выплывает из тумана, волной заползшего сюда с берега озера.

На Титане много заброшенных кораблей. Есть старые автоматы, давно изъеденные временем и ливнями, покоящиеся на дне морей зонды и упавшие в пески огромных пустынь спутники. Есть искалеченные ракеты, пострадавшие при взлете или посадке, вроде той, на которой разбился, но выжил пилот Тороп. Я видел из снимки, но ничего подобного тому, что лежало под нами не встречал. Чем ниже мы спускались, тем более огромным казался древний корабль.

– Осторожнее, тут скользко, – заявил Марк, едва его ноги коснулись холодного металла, отозвавшегося глухим стуком.

– Как ты его нашел?

Марк не ответил. Он ловко балансировал на вершине конуса раскинув руки и мелкими скачками спускаясь по нему вниз.

– Тут пустота была, – пояснил Лешка, – а ливни ее подмыли и грунт обвалился вниз. Потом озеро поднялось и смыло песок, ушло, а котлован остался. И эта штука тоже.

– А ты откуда знаешь?

– Марк рассказал.

Мы стояли на краю огромной пробоины, зияющей в корпусе, а громада корабля простиралась под нами бурым холмом. Марк достал из сумки термос и сунул трубку под маску. Вокруг висела тишина, такая же постоянная, как оранжевый туман над озером. Папа рассказывал, что высоко в облаках бушуют сильные ветры, а тут лишь изредка легкая рябь пробегает по глади озера. Когда папа привезет мне из рейса

фотоаппарат, я займусь фотографией, буду охотиться за этими барашками на озере, за радугой после дождей, линзовидными облаками, скользящими по пустыне. Жаль сейчас его нет, сфотографировать эту махину, до которой даже дотрагиваться страшно.

– Я много слышал о таких кораблях, от отца, – сказал Марк, включая фонарик. Свет скользнул по ржаво-бурой обшивке, выхватил из сумрака рваные края огромной дыры в казавшемся несокрушимо прочным корпусе. Свет утонул в темноте внутренностей огромной ракеты. Он присел, свесил ноги в глубину корабля, Лешка последовал за ним.

Я постоял на краю, оглянулся на озеро, над которым сгустился оранжевый туман. Он висел низко и стелился над темной поверхностью, казался живым – огромной амебой, неспешно переползающей от берега к берегу, вытягивающей огромные липкие ложноножки. Казалось, что в полной тишине слышно его шуршание по мелкому песку. Мне нравилось думать о нем как о живом. А вот корабль меня пугал, но не так как Лешку. Было видно, что Лешка боялся его до ужаса. Да и мне казалось, что сейчас вынырнут скользкие щупальца из недр старой ракеты, обхватят наши тела и утянут в неизвестность. Темнота под ногами пульсировала, сгустилась, всматривалась. В ней не было привычного тумана, туда не проникали рассеянные лучи далекого Солнца. Я аккуратно присел на край, поджал одну ногу под себя.

– Будет наше новое место, – сказал Марк.

– А чем старое было плохим?

Старое место было на вершине холма у дома Марка, мы также долго сидели там на краю, прежде чем прыгнуть вниз.

– Слышали о Пустынном глашатае? – спросил Марк вместо ответа. – Конечно нет, чего я спрашиваю. Это же не в нашем городке случилось, а на Море Кракена, – он выдержал паузу и вздохнув продолжил. – Несколько дней назад геолог возвращался со станции на южном берегу. До заката оставалось еще часов шесть-семь, а батареи почти сели и в темноте он точно доехать бы не смог. Ему следовало выехать раньше, но какие-то неполадки с насосом заставили задержаться почти до заката. Он гнал изо всех сил, поскольку становилось все темнее и небо было такое темно-оранжевое как последние часы перед закатом – ну вы знаете. Он на секунду взглянул на приборы, проверить насколько еще хватит батарей, а потом вдруг увидел темный силуэт на дороге, которые едва не угодил под гусеницы. Это был человек в темном костюме, но без капюшона и маски. Геолог едва затормозил, обернулся, но, когда рассеялась пыль, на обочине никого не было. И нигде вокруг. Только тень протянулась через дорогу – тень человека, которого не было видно, и она указывала налево, на юго-запад. Геолог очень испугался. Он рванул с места и ехал много часов, иногда оглядываясь назад, но там никого не было. Зато впереди выростала скала. Сначала она была бесформенной, но чем ближе он подъезжал, тем отчетливее видел, что это силуэт человека, который указывает ру-

кой в сторону от дороги на северо-запад. Скала почти нависла над ним, хотя он точно помнил, что никаких скал на этой дороге на побережье никогда не было. Он пытался объехать ее по стороны моря, но скала словно перемещалась, отрезая ему путь. И тогда он направился в другую сторону, дальше от моря, но через километр остановился. Скалы не было, а от моря через дорогу на запад тянулся провал – подмыло пещеры, и грунт провалился с частью дороги. Он бы не увидел этого в сумраке на такой скорости и оказался бы вместе с вездеходом на дне. Если бы не Пустынный глашатай.

Марк затих. В наступившей тишине стало неудобно. Казалось, что вот-вот из мрака под нами раздастся тихий голос, вой, скрежет – то, чего не должно быть.

– Расскажи еще что-нибудь, – заворочался Лешка.

– А тебе мало, – усмехнулся Марк.

– Когда, говоришь, это было? – спросил я. – Моя мама была позапрошлым днем в том поселке и ничего подобного не слышала.

– Так они ей и рассказали, – буркнул Марк. – Если хочешь знать, что про Пустынного глашатая вообще говорить нельзя. Иначе удачи не будет, перестанет помогать. А если встретишь его в пустыне, значит тебе и правда смерть грозит, нельзя не прислушаться. Только близко подходить не нужно к нему.

– Это еще почему? – спросил Лешка.

– Сожрет. Голодный он.

Лешка вздрогнул. Я потрепал его по плечу. Лешка любил такие рассказы, верил каждому слову. Ему сложнее было поверить учебному порталу в то, что на Земле очень короткие сутки, и утро наступает едва ты поспишь, чем в рассказы Марка. Да и сам я немного в них сомневался. Когда ты в пустыне среди дюн или в скалах, или вдруг на острове оказался во время дождей, нельзя не верить в Проводников, Глашатаев. Живые камни. Они помогут, потому что тут ты свой, только осторожнее с ними нужно.

– А ты, Зим, говоришь, мама твоя в том городке была? – прищурился Марк. – И давно?

– Два дня назад.

Марк покачал головой.

– Больше месяца... А ты уверен, что это твоя мама?

Я почувствовал холодок, пробежавший по спине, шевельнувшийся волосы на затылке под толстым капюшоном. Об этом я никогда не думал, слишком страшно думать об этом.

– О чем это он? – Лешка обеспокоенно вертел головой, поглядывая то на меня, то на Марка. Марк усмехнулся и подмигнул мне.

– Он не слышал. Зим, расскажи ему.

– Это история о двойниках. Мне близняшки рассказывали шепотом, чтобы родители не слышали. Они тогда не были уверены до конца.

– Подожди, когда это ты с близняшками виделся без ме-

ня?! – возмутился Марк, но я продолжал.

– На южной станции есть маленький городок, а в нем жил мальчик нашего возраста, и оба его родителя работали на Станции. Иногда им приходилось на целых полдня оставлять его одного, когда вахты совпадали. Иногда в дневные часы, а иногда даже в ночные. И вот однажды его оставили на целый день. Почти полмесяца! Он сидел дома и даже не выходил гулять, да и детей там других не было. Часами смотрел в окно и спал. А однажды он услышал стук и голоса в кессоне. Это были мама с папой. Он обрадовался, кинулся встречать. Оказалось, что вахта закончилась раньше, и они договорились оба вернуться на одном челноке. Но радость была не долгой. Уже за ужином мальчик понял, что с родителями что-то не так. Они подолгу смотрели в одну точку, смеялись, когда к этому не было повода и совсем не ели. Иногда натыкались на стену, пытаясь пройти в дверь, а на вопросы мальчика отвечали, что просто сильно устали. Ночью мальчик слышал, как за стенкой говорят на непонятном языке и еще странный звук, словно что-то тяжелое ползет по полу. А утром как обычно включился экран. Мама с папой махали ему руками и желали доброго утра, говорили, что скоро вернуться, и смена почти закончилась. За их спинами виднелся Сатурн – они все еще были на Станции.

Я замолчал. Марк одобрительно кивнул головой.

– А дальше, что было? – почти крикнул Лешка. Он дрожал.

– Никто не знает, – сказал Марк. Эту историю рассказывают не полностью. Кто-то говорит, что мальчик спасся. Иначе бы никто ничего не знал о Двойниках. А кто-то говорит, что он просто вел дневник, который потом нашли настоящие родители.

Марк нащупал камешек и отправил в глубину под ногами. Он плавно летел вниз и скоро скрылся в темноте. Звуча удар мы не слышали.

– А что, если это инопланетный корабль, представляете? – сказал Марк. – Сидим мы тут такие, а снизу на нас смотрят.

Он не договорил. Лешка поджал ноги, а я нагнулся вперед, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте. В черный провал неспешно вползала рыжая дымка. Скоро туман затянет все вокруг, и будет сложно выбираться отсюда домой.

– Время есть, – сказал Марк, словно прочитав мои мысли.

– Ты не боишься? – спросил Лешка тихо, обращаясь к Марку. – Всего этого – глашатаев, двойников...

– Боюсь до чертиков, – сказал Марк и снова отправил вниз камень.

– А ты?

Я пожал плечами.

– Мы же дома. Если быть осторожными, тут нам ничего не грозит.

– Дома? – Марк засмеялся. – Черта с два мы дома! Земля – вот где наш дом. А это все, – он обвел рукой вокруг, – тряси́на, болото!

Лешка испуганно взглянул на меня. Он не знал значения этих слов, да и я догадывался лишь с трудом. Марк смотрел под ноги, словно готовый прыгнуть. Не люблю, когда он такой. Снова тоска о месте, где он не был никогда, да и не будет, скорее всего. Это все потому, что он родился на Станции. Оттуда Землю видно – маленькая голубая искорка в телескопах.

– Шагнул бы не раздумывая, – скрипнул зубами Марк.

– Это он о чем?

– О порталах, – шепотом пояснил я.

Все знают историю о порталах. Иногда они, говорят, появляются тут и там. То в скалах, то на пустынном берегу. То даже на дне моря. Они круглые, мерцающие, а в глубине смутные очертания гор, леса, белых облаков. Если шагнуть, говорят, окажешься на Земле в ту же секунду. Но это если повезет. Это как приманка. Два раза из трех очутишься где-нибудь на земном побережье или в горах и будешь бродить, пока тебя не найдут спасатели. А на третий раз можешь очутиться на ложной Земле. Там все почти также, только чуть-чуть иначе: солнце холоднее, воздух затхлый и совсем без ветра. И найдут тебя странные люди с зеленым глазами, у которых вдвое больше зубов, но портала за спиной уже не будет, и обратно ты не вернешься, ни на Землю ни домой. Два шанса из трех.

– Не говори ерунду. Думаешь, тебе повезло бы? Два из трех!

– Уж лучше так.

Марк швырнул камень, тот отскочил от рваного края дыры в корпусе и покатился о обшивке. Марк сидел напряженно, вглядываясь в темноту. Словно вот-вот под его ногами замерцает портал в неизвестность.

– Ты дурак! – я поднялся и отряхнул колени. – Лешка, пошли!

Туман почти затопил котлован. Некоторое время мы оглядывались, видели темный силуэт, склонившийся над краем пробоины. Потом услышали легкие шаги. Первым прыгнул я, потом Лешка, а за нами и третья тень. Несколько прыжков, и мы наверху. Оттуда видны огни города – все семь домов ровным полукругом под холмом. А над ними желтое небо. Где-то там летит сейчас челнок, несет папу сквозь облака и ветры домой.

***

Я приоткрыл глаза, когда широкая ладонь взъерошила мои волосы.

– Спи-спи.

– Ты вернулся?

В полумраке лицо отца почти не было различимо. Зато я видел маленькие звезды на его кителе, который он еще не успел снять. Странные они, эти звезды. Вроде бы ничего особенного, а увидеть хочется.

– С возвращением, – тихо сказал я.

– Спасибо. Утром поговорим, – он улыбнулся. – Там по-

дарок тебе на столе. Прости, пока не камера, сейчас очень сложно достать.

И конечно сна уже ни в одном глазу. Папа ушел, аккуратно прикрыв дверь, а я немедленно бросился к столу. Тетрадь! Новая и чистая на целых двадцать листов. Я достал тайную коробку, аккуратно раскрыл первый лист и пока не наступило утро, я рисовал. Рисовал берег теплого моря с пальмами, корабль на горизонте и белые облака. Но мой голубой карандаш давно закончился и небо я закрашивал желтым.

Колония

Колония «Лотос» находилась далеко от Земли. Собственно, так ее никто не называл, кроме Кима и трех членов экипажа маленького челнока, неспешно летящего по орбите Весты. Сверху поселок действительно напоминал цветок лотоса – лепестками раскрытые солнечные батареи, жадно ловившие лучи далекого Солнца, и купол оранжереи в центре, под которым среди низких грядок ютились несколько блочных домиков.

– Думаете, они обрадуются мне? – Ким брел по залитой солнцем равнине к поселку. Острые лепестки солнечных батарей выплывали из-за близкого горизонта, становились все ближе. Скорее всего его заметили уже и ждут.

– Не сомневайся. У них уже полгода не было гостей, – это голос Иры в шлеме. Она там на орбите с остальными, пьет горячий кофе и рассматривает серую поверхность астероида, изредка перекидываясь с ним парой слов. Скоро нельзя будет. По крайней мере, пока он не покинет колонию.

– Ким, двое по курсу. Направляются к тебе. Встречай гостей.

– Скорее, я тут гость. Вижу, до связи.

Ира чмокнула губами в эфире и стало тихо.

Белые скафандры сияли на солнце, только темные светофильтры на шлемах казались провалами в пустоту. Словно

люди без лиц, даже не люди, манекены, наспех слепленные из белого пластика. Их было двое. Один, ниже другого почти на голову, приветственно помахал рукой. Над ними медленно поднималась в звездном небе громада мертвого космического корабля.

– Капитан, добро пожаловать в наш скромный поселок.

– Я доктор. Капитан занят подготовкой грузов к отправке.

– Что ж, – в голосе человека не чувствовалось никакого разочарования. – Мы давно ждем вас. Прошу за мной, тут не так просто найти входной шлюз.

Похоже было, что они действительно соскучились по новым лицам. В колонии два десятка человек. Если быть более точным – двадцать три. Троице еще нет восемнадцати, двое уже ищут по утрам очки и опираются на трость. Остальные еще молоды и полны энергии. Чистота и аккуратность внутри купола говорили об этом и не только. Поселок действительно был скромным – четыре маленьких домика из стандартных блоков, склад и несколько палаток. Почти все население было занято на небольших плантациях грибов и водорослей – того, что могло тут жить и кормить колонию. Тут и там белые халаты, перепачканные грунтом перчатки, усталые лица. Лица! Ким невольно отвернулся.

Сопровождающий Кима снял шлем. Он был стар. На скулах искрилась седая борода, от глаз разбегались густые глубокие морщины. Он улыбнулся, протянул руку без перчатки.

– Уно. Честно говоря, не знаю, как себя правильно назы-

вать – губернатор, начальник, мэр. Выбирайте сами.

– Можно просто – господин Уно? – неуверенно спросил Ким.

Продолжая улыбаться, Уно пожал плечами.

– Как вам угодно, доктор. Мы узнали о вашем прибытии слишком поздно. Хотели организовать встречу, но потом оказалось, что и организовывать особо нечего. Угощениями мы вас не удивим, – Уно обвел рукой унылые грядки. – Экскурсию проводить тоже особо негде. Вы отсюда видите весь наш дом и все наше хозяйство.

– Уютно, – сказал Ким. Доля правды в этом была. Аккуратный поселок внушал умиротворение и покой – то, чего не хватает в долгих многонедельных перелетах. По дорожкам и крышам домиков проползла тень – огромный изувеченный корабль проплыл над ними, заслонив солнце.

– Я познакомлю вас с остальными, но немного позже. Сейчас все заняты работой. А пока давайте пройдем в мой кабинет. Да, не удивляйтесь, у меня есть кабинет, правда оборудован он в самой обычной палатке. Вигинти! – окликнул он парнишку, возившегося с огромной лампой над бассейном с водорослями. – Вигинти, пожалуйста, принеси нам кипяток. Сейчас я угощу вас, доктор, тем, что мы тут называем чаем.

Кабинет Уно был мал. Небольшой стол, старое кресло и диван в углу. Похоже было, что здесь он не только работал, но и жил. На стене карта колонии и окрестностей и фо-

топортрет Алекса Портмана. Астронавт печально смотрел сквозь очки в нижний угол своей же пластиковой рамки. Под картиной искусно сделанная табличка с фамилией и именем основателя колонии, датой рождения и предполагаемой датой смерти.

– Портман, – Уно улыбнулся и привычным движением протер пыль с рамки. – Вы знали его, доктор?

Ким покачал головой.

– Он вернулся из пояса Койпера незадолго до моего первого рейса, – Ким немного почтительно помолчал и затем добавил. – Говорят, он был великим человеком.

Уно улыбнулся, нацепил очки и извлек из ящика стола пачку исписанных листов. Между кривых строчек изредка прятались аккуратные карты и рисунки.

– Здесь все, доктор. Когда я закончу, это будет достойный труд об основателе нашей колонии. И самый подробный, – Уно вздохнул и наугад вытащил лист из середины стопки. – Тот рейс был самым смелым и самым трагичным. У вас на Земле не принято об этом рассуждать, просто голые цифры да пара строчек в учебнике. А ведь это была целая жизнь.

Ким кивнул и опустился на второе кресло, принесенное мальчишкой из недр поселка. Беседа обещала быть долгой и неспешной.

– Я не представляю такого, доктор, а он это видел. Абсолютная темнота космоса и наше Солнце – как искра, а вокруг

безграничное кладбище мертвых комет, огромных как целые миры. Их корабль провел там почти год, изучая до того невидимую часть нашей Солнечной системы. Их было семеро и среди них тот, чье имя мы стараемся не упоминать, тот, кто совершил роковую ошибку в навигации. Корабль пострадал от столкновения с Потокком, а Портман выжил и смог сам ликвидировать утечку воздуха. Но починить корабль и вернуться домой он не мог. Один на искалеченном пустом корабле так далеко от дома и солнца – что нам и представить нельзя. Он провел там восемь лет. Восемь долгих лет в попытках починить двигатели и проложить обратный курс.

– У вас сохранились копии судового журнала?

Уно пристально взглянул на Кима сквозь очки и усмехнулся.

– У нас сохранился сам журнал. И много еще такого, чего нет в ваших музеях. Кроме дневника капитана Портмана. Я подавал не одно прошение...

– Быстро у нас на Земле ничего не делается, – уклончиво заметил Ким. – Наберитесь терпения и верьте в лучшее.

– Только и приходится. Вы не откажетесь взглянуть на наш музей?

– Охотно.

– Тогда сразу после чая. Да, это мы зовем чаем, – Уно засмеялся, разливая зеленоватый настой по пластмассовым чашкам.

– Однажды он высадился на комету. Сам. Он понял, что

потери воды и атмосферы слишком критичны и на обратную дорогу не хватит ни того ни другого. С помощью грузового челнока он опустил на одну из комет и провел там почти неделю, заготавливая лед. То была героическая неделя без сна и отдыха. Мы часто представляем на наших пятничных встречах как капитан Портман сидел на ледяном утесе в призрачном свете далекого солнца и выискивал на небедом. Любой из нас отчаялся бы или сошел с ума. Кстати, доктор, конечно, сегодня не пятница, но мы планировали собрание в честь вашего прибытия и годовщины Обратного Пути. Вы не хотели бы?..

– С радостью!

Чай был не так уж плох. Немного отдавал водорослями, но скорее всего из них его и делали, экспериментируя с ферментацией. За второй чашкой Уно долго рассказывал о проблемах колонии: перебоях с поставками воды и запасных частей для ремонта, плохой связи, неурожае, болезнях и подготовке к большому празднику. Главным вопросом, беспокоившим его было бесплодие.

– У нас четыре пары в поселке, четыре семьи. Последнюю свадьбу мы праздновали месяц назад и по этому случаю смастерили из запасных блоков отдельный домик вроде этого за теплицей. Но эта напасть... Скорее всего последствия космической амнезии, но мы все надеемся, что это лечится. Поселок без детей, доктор, лишен того счастья, которое должно быть в любом поселении.

– Я осмотрю всех и дам рекомендации, – пообещал Ким. Глаза старика засверкали радостью.

– Еще чаю, доктор?

***

Вечер был даже веселым. За долгий месяц перелета от Ба-зы к Весте Киму до смерти надоели припасенные сериалы и разговоры об очередных поломках с Ирой и другими. Сейчас, наблюдая за сценками, разыгранными с помощью нехитрого реквизита и отточенного до мелочей сценария, он думал о том, что жизнь здесь на окраине пояса астероидов не лишена своих странных радостей и своих героев.

Парнишка Ундеви страшно нервничал. Он играл капитана Портмана, его высадку на Каллисто во время обратного пути. Там ему удалось найти обломки старого исследовательского зонда и починить систему связи. Ундеви стоял в плаще из целлофана на утесе из пустой коробки и смотрел на водопад – поток жидкого аммиака, падающий в озеро. Огромный Юпитер был нарисован прямо на стене.

– Одна из самых захватывающих историй, – шепнул Уно, наклонившись к Киму. – Немного приукрашенная. Полагаю, что никакого водопада не было, но вот озеро очень даже может быть. И зонд. Его обломки есть в нашем музее. Вы видели?

Экскурсия в музей была час назад. Действительно впечатляло, сколько можно сделать усилиями небольшой группы людей и с помощью безграничной любви к основателю коло-

нии.

– Наш главный экспонат там, – говорил Уно и показывал вверх, где бесшумно летел по орбите Весты гигантский мертвый корабль. – «Астра», ионный исследовательский корабль капитана Портмана. – Вы бывали на нем, доктор?

– Однажды.

Старик поджал губы.

– И я хотел бы. И каждый из нас. Наверное, там все сохранилось как тогда, в последний день перед тем, как капитан Портман достиг орбиты Земли. Его кресло, мониторы, термос. Та рубка, в которой он слышал Голос звезд – неизвестный радиосигнал из других миров, когда он пересекал орбиту Нептуна.

– Когда-нибудь...

– Когда снимут карантин? Не утешайте меня, доктор, у знаю, насколько опасна космическая амнезия. Иначе капитан Портман не основал бы эту колонию для таких как мы. Он отдал все, что ему причиталось за завершение экспедиции на основание нашего поселка. Прежде чем исчезнуть навсегда в новом рейсе к другим мирам.

Ким кивнул, украдкой взглянул на морщинистое лицо Уно, на огромный портрет на стене, на свои руки.

– Как вам спектакль?

Голос Уно выдернул его из раздумий.

– Это потрясающе!

– Они начали готовиться едва узнав, что вы прибуде-

те к нам. После ужина еще посмотрим историю о встрече с блуждающим астероидом. Ее ставили самые младшие, не судите строго, – Уно улыбнулся.

– Разумеется. Вы не против, я отойду на несколько минут?

В поселке было тихо, безлюдно. Все собрались в столовой, а покинутые домики смотрели на Кима пустыми окнами. В темном небе очередной виток завершала полуразрушенная «Астра». Ким нацепил шлем, наладил связь.

– Ира, ты тут?

– Куда же я денусь? У меня дежурство. Остальные дрыхнут давно. Как там дела?

– Они умирают.

Из эфира донесся сдавленный смешок.

– Клоны долго и не живут. Пять-шесть лет и все. Они даже не настоящие люди.

– Прекрати.

– Что, проникся местным колоритом? Ты что, забыл? Они все – неудачная копия этого придурка Портмана, только разного пола и возраста. Он успел наштамповать их в корабельном репликаторе для трансплантационных органов чтобы с ума от одиночества и скуки не свихнуться на обратном пути. Пронумеровал и беседовал с ними о жизни, изредка добавляя в коллектив новых. Если бы его не перехватили в Поясе и не сняли с корабля, до Земли он привез бы личную маленькую армию. Сейчас в психушке у него полно собеседников, но он иногда этих вспоминает.

Ким вздохнул.

– Чего замолк? Расстроился, что ли? Через два-три года от них ничего не останется. Закроем этот «санаторий» и сдадим в утиль корабль вместе с музеем. Хорошо, что этим чудикам память успели почистить прежде, чем отселить в поселок. Иначе ты торчал бы целый день в колонии психов. Как там, они все еще болтают о космической амнезии?

– У них тут лекарств и воды мало. Можешь добавить в груз завтра?

– Не вопрос. А сам что возвращаться не собираешься?

Ким ответил не сразу.

– Подожду груз. Проверю, чтобы все было в порядке.

– А, хорошо. Не скучай там.

И снова повисла тишина. Ким долго смотрел на заваливающийся за горизонт остов корабля, на немерцающие звезды. Наверное, в такой тишине можно услышать тот Голос Звезд, даже без радиостанции. На что он, интересно, похож?

– Доктор? – Уно стоял в дверном проеме и опирался на трость. – Вы идете? Не начинаем без вас, а мальчишки уже готовы.

– Да, конечно, – Ким улыбнулся и положил шлем на край неровно обтесанного камня. – Уже иду.

Бархатный сезон

Я взобрался на утес, долго смотрел на особенно яркий закат, протянувший бордовую дорожку по спокойному мелко-му морю. Хорошее место для маяка, просто идеальное. Скорее всего, тут его и поставили бы если бы в этих океанах был хоть один корабль. Но теплые моря Венеры не знали мореходов в прошлом и не узнают никогда. Если не считать кораблем слегка покачивающийся на воде остов города-дирижабля, большая часть которого скрыта в глубине.

Я помню, как просто лежал на песке и смотрел в небо с редкими облаками, пока Марта спасала вещи с тонущего города. Мне все казалось бессмысленным, и ее брожение по колено в воде с прижатыми к груди пожитками тоже. Она не смотрела на меня, поджав губы вновь и вновь заходила в воду, ныряла и плыла, едва вода доходила до пояса, размахивая руками. Тогда казалось, что она просто сошла с ума, но сейчас я понимаю, что ей было так же страшно, как и мне. И ругаю себя за то, что не бросался раз за разом в воду вместе с ней. Без нее не было бы ничего – ни нашего маленького лагеря на берегу, ни костра по вечерам, ни маленького огорода за палаткой, ни, возможно, меня.

– Сегодня яркий, – сказала Марта. Она подошла бесшумно, положила голову мне на плечо. Ее еще мокрые от соленой воды волосы щекотали мне шею. – На Земле таких не бывает.

– Бывают, – уверенно сказал я. – И довольно часто.

Она хмыкнула.

– Тебе виднее.

На Земле Марта почти и не была, только однажды подростком на экскурсии, большую часть которой занял перелет на челноке. Марта родилась на Венере в таком же облачном городе, как тот, руины которого сейчас омывали волны теплого моря. С детства смотрела на бурлящие внизу облака, под которыми кипел самый настоящий ад, где пятисотградусная жара раскаляла каменистые пустыни, где стремительные ветры при давлении в сто атмосфер превращались в настоящие течения, а по желтым камням моросил сернокислотный дождь. Но об этом всем она узнала много позже, в школе, спрятанной в глубинах похожего на гигантский дирижабль города, на внутренней поверхности которого обитали три тысячи человек. Когда я прибыл под его своды – молодой инженер с дипломом, мечтами и амбициями, Марта уже проходила практику наладчиков компрессоров, готовилась к защите диплома и была достаточно симпатичной чтобы успешно игнорировать меня – самоуверенного переселенца с далекой Земли.

Как мы оказались в одной бригаде, проверяющей систему охлаждения в только что построенном и еще не сданном городе-дирижабле – уже не важно. Важно, что две недели были настоящей мукой. Мы – три специалиста на только кажущийся небольшим надувной поселок, каждый со своим мне-

нием и желанием вписать свое имя в историю нового города, который вот-вот должен отправиться в свободное плавание над облаками. Марта ненавидела меня, а я ее, и оба мы терпеть не могли Антона, тело которого теперь где-то там под волнами, раздавленное тысячами тонн металлического каркаса. Сообщение о том, что под нами грозовой фронт, и город может войти в зону турбулентности, мы проигнорировали. Шторм мы тоже пытались игнорировать некоторое время. Но не падение сквозь синий клокочущий туман и раскрывшийся перед нами океан.

– Пойдем, – сказала Марта. – Скоро костер догорит.

В лагере две палатки. Одна наша с Мартой, в другой спасены от дождей перенесенные с искореженного города вещи. Жаль, что так мало удалось спасти. Город был почти пуст, еще не заселен и даже не сдан в эксплуатацию. Ценное вроде еды, одежды и пары книг укрывал брезент, остальное сушилось на берегу – обломки мебели, куски утеплителя, который удалось отодрать от стен. Потом все это шло в костер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.